Илья Муромец и дочь

На славной на Московской на заставы
Стояло двенадцать бога́тырей без единого.
По них, по славной Московской заставы,
Пехотою никто не прохаживал,
На добром коне никто не проезживал,
Серый зверь не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
Проехала паленичища удалая,
Конь под нею как сильна гора,
Паленица на коне как сенна копна;
И надета на головушку у ней шапочка пушистая.
Пушистая шапочка и завесистая:
Спереду-то не видать лица румяного,
И сзади не видно шеи белыя.
Она ехала, собака, насмеялася,
Не сказала Божьей помочи бога́тырям,
Проехала в раздольце в чисто поле,
Стала по соловьему посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
Кличет-выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника:
«Ежели Владимир-князь стольнокиевский,
Не даст он мне поединщика,
Супротив меня да супротивника,
Самого-то я Владимира под мяч[1] склоню,
Под мяч склоню, да голову срублю,
Церных мужичков-то всех повырублю,
Божьи церквы все на дым спущу».
Стоят богатыри, пораздумались.
Говорил-то старый казак Илья Муромец:
«Ай же вы, братьица мои крестовые,
Дружинушка добрая, хоробрая!
Стоим мы на славной Московской на заставы[2];
По той ли по славной Московской заставы
Пехотою никто не прохаживал,

На добром коне никто не проезживал,
Серый зверь не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал:
Проехала паленичища удалая,
Ехала, собака, в глазах насмеялася,
Не сказала Божьей помочи бога́тырям.
На головке у ней шапочка пушистая,
Пушистая у ней шапочка и завесистая:
Спереду-то не видать лица румяного
И сзаду не видно шеи белыя.
Ездит-то она по раздольицу чисту полю,
Посвистывает она по соловьему,
Покрикивает она во всю голову,
Выкликает она поединщика,
Супротив себя да супротивника.
Кого же нам послать в раздольице в чисто́ поле
Поотведати-то силы у поганого?» —
«Послать молода Алешеньку Поповича».
Повыехал Алеша во чисто поле,
Посмотрел на паленицу за3 сыра дуба,
То не смей он к паленицы и подъехати;
Поскорешенько Алеша поворот держал,
Говорил-то Алеша таковы слова:
«Ай же, братьица мои крестовые!
Хоть был-то я в раздольице чисто́м поле,
Посмотрел на паленицу за сыра дуба,
И не смей я к паленицы и подъехати,
И не смел-то её силушки отведати». —
«Послать молода Добрынюшку Никитинца».
Повыехал Добрыня во чисто поле,
Подъехал к паленицы ко удалыя,
То не смей у ней он силушки отведати,
По скорешеньку Добрыня поворот держал,
И приехал он на Скат-гору высокую,
И говорил-то Добрыня таковы слова:
«Хоть был-то я в раздольице чисто́м поле,
Посмотрел на паленицу на удалую;
На право́й-то руке сидит со́ловей,
На лево́й-то руке жавроленочек.

Не смел я к паленичище подъехати,
Не смел я у ней силушки отведати»4.
Говорил старый казак Илья Муромец:
А на бою-то мне-ка смерть не писана:
Поеду я в раздольице чисто поле,
Поотведаю я силы у поганого».
Садится-то Илья на добра коня,
Поезжает он со Скат-горы высокия.
Говорил ему Добрынюшка Никитинец:
«Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
Поезжаешь ты в раздольице чисто поле,
На этыи побои на смертные,
На этыи удары на тяжелые:
Нам куда велишь итти, да куда ехати?»
Говорил-то старый казак Илья Муромец:
«Ай же, братьица мои крестовые!
Поезжайте-тко на гору Сорочинскую,
Посмотрите-тко на драку богатырскую:
Когда надо мною будет безвремяньице,
Поспешайте-то, братьица, ко мне на выруку».
Он ехал по раздольицу чисту полю
И подъехал он под гору Сорочинскую,
Сходил там с добра коня богатырского,
И вшел-то он на гору Сорочинскую,
Посмотрел на паленичище удалое:
Ездит паленица по чисту полю,
Ездит паленица в поле, тешится,
Шутит она шуточку не малую,—
Кидает она палицу булатнюю
Под эвтую под облаку ходячую,
Подъезжает-то она на добром коне,
Подхватит эту паличку одной рукой,
То как лебединыим перышком поигрывает;
И не велика эта палица булатняя,
Весом-то она да девяноста пуд.
У старого казака Ильи Муромца
Его сердце богатырское приужахнулось.
Сходил он со горы Сорочинския,
Приходил он к доброму коню богатырскому,

Пал-то он на бедра лошадиныя,
И говорил-то он таковы слова:
«Ай же ты, мой бурушко косматенькой!
Послужи-тко ты мне верою и правдою,
Послужи по старому и по прежнему,
Чтоб не побил бы нас поганый во чистым поле,
Не срубил бы он моей буйной головушки,
Не распластал бы моей он груди белыя
Хоть на бою мне смерть не писана,
Переступит сила через велик закон».
Садился-то Илья на добра коня,
Он ехал раздольицем чистым полем
И наехал паленичищу удалую,
Он подъехал к паленицы со бела лица.
Становили оны коней богатырскиих,
Оны сделали сговор да промежду собой,
Что разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырскиих,
Приударити во палицы булатния.
Разъехались с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырскиих,
Приударили во палицы булатния,
Оны друг друга били нежалухою
И со всея силы богатырския,
И били оны друг друга по белым грудям,
Как под нима были доспехи очень крепкие:
У них палицы в руках-то погибалися,
По макомкам5 отломилися;
Оны друг друга не сшибли со добрых коней,
Оны друг друга не били, не ранили,
Ни которого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырскиих,
Оны сделали сговор да промежду собой,
Что разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырскиих,
Приударить надо в копья муржамецкия.
Как разъехались с раздольица чиста поля,
Приударили во копья муржамецкия,
Оны друг друга били по белой груди,

По белой груди, били нежалухою
И со всея силы богатырския;
Под нима доспехи были очень крепкие:
У них копья в руках погибалися,
По маковкам копья отломилися;
Оны друг друга не сшибли со добрых коней,
Оны друг друга не били не ранили,
Ни которого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырскиих
И сходили со добрых коней на матушку сыру землю;
Надо биться молодчам им боем-рукошашкою
И отведать надо силушки великоей.
Эта паленичища удалая
Она была зла-догадлива,
Подходила ко бога́тырю могучему,
Старому казаку Илье Муромцу,
Подхватила-то его на косу бодру[6]
Издынула выше го́ловы,
И ступила на белую грудь,
И берет свою рогатину звериную,
Заносила руку правую выше головы
И спустить хотела ниже пояса.
Тут по Божьему повелению
Рука правая в плечи̇̀ застоялася,
В очах у ней свет помущается;
Она стала у бога́тыря выспрашивать:
«Ты скажи-то мне, богатырь святорусский:
Как-то молодца по имени зовут,
Звеличают удалого по отечеству?»[7]
На бою-то Илье смерть не написана.
Разгорелось его сердце богатырское:
Как отмахнет свою руку правую,
И сшиб он паленицу со бело́й груди.
Он скорешенько скочил да на резвы ноги,
Схватил-то паленицу за желты кудри,
Здынул он паленицу выше головы,
Спустил-то на матушку сыру землю,
Ступил он паленицы на белы груди,
Берет свой нож булатный во белы руки,

Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Права рученька его в плече застоялася,
Во ясных очах свет помущается;
Стал у паленицы выспрашивати:
«Скажи-ка мне, паленица, попроведай-ка[8],
Ты с коёй земли, да ты с коей Литвы,
Как паленицу именем зовут,
Звеличают удалую по отечеству?»
Говорила паленица таковы слова:
«Ай же ты, старая базыга[9] новодревняя!
Тобе просто[10] надо мною насмехатися,
Как стоишь ты над моею грудью белою,
Во руках держишь кинжалище булатнее!
Есть бы была я на твоей белой груди,—
Пластала бы я твои груди белыя,
Доставала бы твое сердце со печенью,
И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени».
Берет свой нож булатний во белы руки,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Права рученька его в плече застоялася,
Во ясных очах свет помущается,
Стал у паленицы выспрашивати:
«Скажи-ка мне, паленица, попроведай-ка,
Ты с коей земли, да ты с коей Литвы,
Как паленицу именем зовут,
Звеличают удалую по отечеству?»
Говорила паленица таковы слова:
«Ай же ты, старая базыга новодревная!
Тобе просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты над моею грудью белою,
Во руках держишь кинжалище булатнее!
Есть бы была я на твоей белой груди,—
Пластала бы я твои груди белыя,
Доставала бы твое сердце со печенью,
И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени».

Берет свой нож булатный во белы руки,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Права рученька его в плече застоялася,
Во ясных очах свет помущается,
Стал у паленицы выспрашивати:
«Скажи-ка мне, паленица, попроведай-ка,
Ты с коей земли, да ты с коей Литвы,
Как паленицу именем зовут,
Звеличают удалую по отечеству?»
Говорила паленица и заплакала:
«Ай же, удаленький дородный добрый молодец!
Есть-то я из темнóй орды, хоробрóй Литвы,
Есть-то я вдовина дочь11;
У меня была матушка колачница,
Калачи пекла, поторговывала,
Тым меня и воспитывала;
И я возросла до полного до возраста,
Имею силу великую в могучих плечах;
Избирала я коня богатырского,
И послала меня матушка
На славну на святую Русь
Попроведати про батюшка».
Старый казак Илья Муромец
Скорешенько соскочит со белых со грудей,
Берет ю за ручушки за белыя
И за нея за перстни за злаченые,
Становил–то ю да на резвы ноги,
Целовал он ю во уста во сахарния
И говорил он с ней таковы слова:
«Жил я в хороброй Литвы
По три году поры-времени,
Выхаживал дани-выходы от князя Владимира,
И жил я у твоей родителя-у-матушки,
Спал я на кроватки на тесовыя,
На той на перинке на пуховоей,
У неё у самой на правóй ручке».
И называл ю дочерью себе любимою.
Оны сели на добрых коней богатырскиих,

И поехали по славну по раздольицу чисту полю,
И в раздольице чистом поле разъехались.
Старый казак Илья Муромец
После бою, после драки великия
Пораздернул шатер беленький поло́тняный,
Лег он спать да прохлаждатися.
А паленица-то удалая,
Она ездит во чистом поле,
Сама она да и пораздумалась:
«Хоть я ездила на матушку святую Русь,
То я сделала насмешку на святой Руси:
Он назвал мою-то матку б.....,
А меня-то назвал вы.....й.
А поеду я ко городу ко Киеву
И наеду я бога́тыря в чистом поле,
Убью-то я богатыря в чистом поле,
Не спущу этой насмешки на святой Руси».
Подъезжает к шатру беленькому полотняну,
Бьет она рогатиной звериной по белу шатру
Со всея со силы богатырския.
Оглетел-то шатер беленькой в чисто́ поле:
Спит Илья Муромец, высыпается,
Не прохватится ото сна богатырского.
Ревет-то его добрый конь, бурушко косматенький,
Бьет во матушку во сыру землю
Правою ногою переднею:
Мать сына земля подрыгивает,
Илья Муромец, он спит не прохватится,
Над собой невзгодушки не ведает.
Эта паленичища удалая
Бьет рогатиной звериною по его бело́й груди;
У Ильи-то чуден крест на вороте,
Не малый крест — полтора пуда́.
Пробудился он от звона от крестового,
Скинул12 свои очи ясные:
Стоит паленичища на добром коне
На́д верхом как сильна гора,
И бьет его рогатиной звериной по бело́й груди;
Скорешенько скочил Илья на резвы ноги,

Схватил он паленицу за желты кудри,
Здынул он паленицу выше головы,
Спустил он паленицу о сыру землю,
Спустил он паленицу, выговаривал:
«Не твой-то кус, да не тобе-то есть
И не тобе убить Илью Муромца!»
Ступил он паленицы на леву ногу
И подернул паленицу за праву ногу;
Он ю на двое поро́зорвал.
Первую частиночку рубил он на мелки́ куски
И рыл он по раздольицу чисту полю,
Кормил эту частиночку серы́м волкам:
А дру́гую частиночку рубил он на мелки́ куски,
Рыл он по раздольицу чисту полю,
Кормил он частиночку черным воронам.
Тут паленицы и славу поют.

(Записано П. Н. Рыбниковым со слов Рябинина Т. Г.)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.

1 Меч.
2 Дополнено тем же певцом в другой раз:

«Думает думушку крепкую:
Как бы нам сохранить стольно Киев-град,
И как бы нам оберечь камена Москва,
И как бы нам сохранить святая Русь,
Чтоб не ездили татары на святой Руси,
Не побивали б мужичков святорусьскиих. *Ред.*

3 Из-за.
4 Стихи 53-77 имели в другой раз у Рябинина такой вариант:

«Нам кого послать в раздольице чисто поле?
Послать молода Алешеньку Поповича:
Так Алеша силой не силен,
Силой не силен, напуском смел;
Убьет его паленичище удалое,
Не будет богатыря на Святой Руси.
Послать молода Добрынюшку Никитинца:

Силушка в Добрынюшке великая,
И собой Добрыня очень обворотистый,
Столько Добрыня напуском застойсливый,
Застойсливый и задумливый». *Ред.*

5 По маковке. *Б.*
6 Бедру.
7 Из последующих слов паленицы видно, что она, в случае победы, никак не стала бы спрашивать об имени и отчестве побежденного; поэтому я эти четыре стиха почитаю вставными. *(П. Н. Рыбников)*
8 Проповеда, поведай. *Б.*
9 Хрыч. *Б.*
10 Легко. *Б.*
11 И Ванька — «*Удовкин*», т. е. вдовин сын.
12 Вскинул.